АРМИЯ | БЕЗОПАСНОСТЬ | ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ | КОНФЛИКТЫ | ФИНАНСЫ

Смертономика 2.0: почему система начинает буксовать

Владислав Иноземцев о том, какие вызовы порождает смертономика для современной России и как долго система способна функционировать без радикальных изменений

Владислав Иноземцев 05 марта 2026

Фото: Scanpix

Два с половиной года назад на Riddle Russia вышла моя первая статья о «смертономике» — уникальном путинском изобретении, которое в 2022—2023 гг. изменило если не ход, то сам характер войны против Украины. Возникнув как спонтанная реакция Кремля на «частичную мобилизацию», практика выплаты

новобранцам крайне высокой по российским меркам зарплаты вкупе с огромными компенсациями семьям в случае их гибели на фронте стала настоящим спасением для власти. Война превратилась из общей для всех россиян проблемы в частное дело немногих. В результате значительная часть общества вообще перестала воспринимать происходящее как настоящую войну. Именно это позволило Путину продолжать ее, не встречая серьезного внутреннего сопротивления.

Я определяю «смертономику» как систему, при которой завербовавшийся в армию и погибший на войне гражданин приносит своей семье больше денег, чем средний россиянин заработал бы за всю оставшуюся жизнь, — то есть как систему, в которой смерть становится наиболее экономически эффективным способом использования человеческой жизни.

С момента возникновения система получила заметное развитие, не поменяв при этом своих принципиальных черт. Сформировавшийся за это время рынок наемной военной силы постепенно потерял региональные различия: потенциальные рекруты могут переезжать из одного региона в другой и заключать контракт там, где предлагают более высокие единовременные выплаты за заключение контракта. Законы спроса и предложения корректируют размер этих выплат в зависимости от темпов потерь на фронте. При этом задача системы осталась прежней: она позволяет Кремлю избегать новой волны мобилизации.

По мере того как «смертономика» год за годом поставляла «временно живую» силу в российскую армию, появившийся на этих страницах термин получал признание: впервые économie de la mort была упомянута во французском переводе всего через неделю после первой статьи на Riddle, а с начала этого года только во Франции на эту тему появилось более 20 оригинальных публикаций. Термин был переведен на 16 языков, а статьи и интервью, посвященные «смертономике», были опубликованы в Wall Street Journal, Fortune, Die Zeit, NRC Handelsblad, Il Giornale и других известных изданиях.

Однако сегодня хочется не столько подвести некоторые итоги, сколько задуматься о проблемах, которые порождает «смертономика» для России, и о том, насколько долго эта модель может оставаться устойчивой — тем более что в последние месяцы снова распространяются мнения о неизбежности мобилизации, подпитываемые новостями о беспрецедентных потерях на фронте и явно недостаточных темпах текущей вербовки.

Предваряя анализ текущих вызовов, стоит обратить внимание на два ключевых обстоятельства, которые можно условно назвать сильной и слабой сторонами системы «смертономики».

Сильная сторона вытекает из ее глубоко рыночной природы. Предлагаемые федеральные и региональные выплаты — единовременные суммы от 1–3 млн рублей (в зависимости от региона) и ежемесячное довольствие около 200 тыс. рублей и выше в зоне боевых действий — мотивируют в первую очередь тех, кто не нашел устойчивого места в экономике: людей без стабильной работы, с долгами, без высшего образования или семейных обязательств. Это подтверждается, в частности, опросами пленных, проведенными украинскими спецслужбами. Все большую долю среди контрактников составляют люди старших возрастов, имеющие серьезные проблемы со здоровьем, безработные или находящиеся под следствием. Именно это обстоятельство — гибель в основном тех, кто слабо интегрирован в производственную систему, — и объясняет относительную устойчивость этой модели даже при масштабных потерях (оценки которых варьируются от 200–400 тыс. до более миллиона человек).

Слабая сторона «смертономики» обусловлена ее включенностью в иррациональную бюрократическую машину путинского «государства». Если в первые недели и даже месяцы полномасштабной войны «цена жизни» определялась исходя из месячной зарплаты контрактника в 35–45 тыс. рублей и 5 млн. «похоронных», то к 2025 году ориентиром были уже оклады в 200–215 тыс. рублей в месяц, 2–3,5 млн рублей премии за заключение контракта и от 12 до 16 млн. рублей «похоронных» — т. е. стоимость годового пребывания на фронте выросла за это время в среднем в четыре раза. При этом, как свидетельствует не только статистика потерь, но и многочисленные наблюдения участников событий, российская армия не меняет своей тактики «мясных штурмов», походов по газовым трубам и «обнулений» собственных солдат.

Это необъяснимое с экономической точки зрения явление (в любой рыночной системе рост стоимости ресурса приводит к повышению эффективности его использования) связано, вероятно, не только с отсутствием единого «собственника» этого человеческого ресурса, но и с рассогласованием интересов между «поставщиками» (Минфином и региональными бюджетами, несущими основные расходы) и «утилизатором» (Минобороны). В итоге рост издержек (только на единовременные выплаты федеральный и региональные бюджеты тратят до 800 млрд рублей в год) становится значимым фактором давления на экономику, но не влияет на подходы к ведению боевых действий. Это делает систему потенциально уязвимой и неустойчивой.

Данные обстоятельства указывают на фундаментальную проблему «смертономики», обусловленную самой ее историей. Ее изначальной целью никогда не была военная победа в полном смысле — для этого требовались бы иной уровень технического оснащения, компетентное командование и возможность динамичного увеличения численности армии. Основная задача заключалась в поддержании способности вести войну без формирования заметного протестного потенциала в обществе. С этой задачей система справлялась — по крайней мере до настоящего времени.

Однако в начале пятого года войны перед Кремлем возникает комплексная проблема экономического и социально-политического характера. Готовность граждан вербоваться на почти верную смерть снижается, в то время как потери на фронте растут. Причины сокращения притока понятны: во-первых, исчерпывается основной контингент 2023–2024 гг. — люди с низкой экономической интеграцией и минимальными перспективами; во-вторых, номинальные доходы населения растут, а денежное довольствие военнослужащих индексируется лишь на уровень официальной инфляции (если осенью 2022 года оно превышало среднюю зарплату по стране более чем втрое, то сейчас разрыв сократился примерно до двукратного); в-третьих, укрепляется понимание того, что война может оказаться практически бесконечной, а никакие срочные контракты не предусмотрены. С другой стороны, в армии никто не озабочен повышением эффективности ведения войны. Отчасти это следствие все той же «смертономики»: когда предложение живой силы кажется практически неограниченным, ни о каком совершенствовании тактики и стратегии не идет и речи.

С самого начала 2026 года эту проблему отмечают практически все аналитики, и она имплицитно признается даже самими властями. Если исключить сценарий скорого прекращения войны (а Кремль, судя по всему, начинает выставлять все более абсурдные условия и даже грозит выйти из переговорного процесса в случае их непринятия), то проблема сокращающегося набора контрактников может быть решена двумя способами.

Первый — радикальное повышение «цены жизни» (авторы доклада «Цена жизни» ранее

указывали, что для практически неограниченного притока добровольцев все выплаты нужно увеличить в 2,5–3 раза). Этот вариант действительно рассматривается: после стабилизации и даже снижения премий за заключение контракта в 2025 году они в последние месяцы начали заметно расти. Выплаты увеличили 16 регионов, причем два из них сделали это дважды, а Ханты-Мансийский автономный округ установил новый рекорд — 4,1 млн рублей. Однако рост касается только региональных единовременных выплат: ни федеральная премия, ни ежемесячное довольствие в зоне боевых действий, ни компенсации семьям погибших существенно не изменились. Вероятно, Кремль пока рассчитывает решить проблему за счет региональных бюджетов, которые и без того находятся в тяжёлом положении. Для реального эффекта потребовалось бы повышение всех выплат как минимум на 30–60%, что обошлось бы бюджетной системе в дополнительные 2–3 трлн рублей в год — на такой шаг власти пока решиться не могут.

Второй вариант — новая мобилизация. Ее продолжают лоббировать военные, но она не вызывает энтузиазма у Путина. Исключением, правда, может стать точечное привлечение части активного резерва — ради этого уже приняты поправки в действующие законы. Этот путь, однако, не решает проблему в корне. С одной стороны, для радикального изменения ситуации на фронте потребовалось бы как минимум двукратное увеличение численности действующей армии — то есть мобилизация от 500 тыс. до 1 млн человек. Учитывая экономические и социальные последствия такого шага, в 2026 году он не представляется возможным. С другой стороны, мобилизованным все равно придется платить те же суммы, что и нынешним фронтовикам, поэтому бюджетные издержки не уменьшатся.

Подводить окончательные итоги реализации этой системы пока рано, но уже сегодня можно утверждать, что «смертономика» дала Кремлю возможность продолжать войну без существенного внутреннего сопротивления. За это время линия фронта практически не изменилась, а перспективы решительной победы так и не появились. Система способствовала привыканию общества к войне как к новой нормальности и сформировала в нем коммерческую «культуру смерти» — готовность как быть убитым за деньги, так и убивать за них. Кроме того, она помогла создать новый образ России — экономически устойчивой к санкциям, готовой воевать почти бесконечно и не считаться при этом с потерями. Этот образ в итоге повлиял на позицию части западных политиков, которые начали подталкивать Киев согласиться на прекращение войны на путинских условиях.

Все это могло сформировать совершенно новое общество, которое стало бы прочным фундаментом для автаркического тоталитарного режима на долгие десятилетия. Но вряд ли такая перспектива выглядит реальной в условиях, когда Путин отказался «зафиксировать прибыль», согласившись на вполне приемлемые условия мира, которые были бы приняты российским обществом. «Смертономика» оказалась похожа на наркотик: сначала помогает отвлечься от реальности, а потом постепенно стирает грань между желаемым и действительным.